

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 60 (3871)

Вторник, 20 мая 1958 г.

Цена 40 коп.

Гвардия юных ленинцев

ТРИ ЦВЕТА господствовали в воскресное утро 18 мая на Красной площади: зеленый, белый, красный. Зеленый — цвет молодой листвы под кремлевской стеной, белый — цвет ребячьих блуз, красный — цвет пионерских галстуков и знамен. Эти три цвета, переливаясь в лучах не по-весеннему жаркого солнца, по праву стали цветами большого пионерского праздника Москвы.

Детской коммунистической организации — пионерии — исполнилось 36 лет. В 1922 году на Красной Пресне при типографии № 16 был создан первый пионерский отряд. В нем было всего 52 пионера. Но, как зерно, упавшее на благодатную почву, стало подниматься, шириться и расти, стало организовываться движение детей тех, кто свергал царя, штурмовал Зимний, кто защищал дело Ленина на Сиваше и на подступах к Питеру. Дети росли похожими на отцов. Маленький отряд с годами превратился в огромную всеохватную детскую организацию со своими традициями, со своими героями и песнями, с именем Ленина на знамени, с боевым паролем «Вудь готов!» и с ответом — «Всегда готов!»

И вот пионеры Москвы пришли на Красную площадь на свой смотр, на свои пионерские именины. Вместе с ними пришли на праздник те, кого уже величают «старыми пионерами». И хотя не все «старые пионеры» убеждены сединами, на них с трогательным уважением смотрят выцветшие мальчишки с алыми галстуками на груди. Пришли на Красную площадь и старые большевики.

Алексей Федорович Дмитриев никогда не был пионером. Его «пионерский возраст» и «комсомольский возраст» прошли еще задолго до революции. Зато партийный возраст А. Дмитриева наступил вместе с Ленскими событиями. Две революции и две войны за плечами у этого сегоднего человека с молодыми глазами. На пенсию Алексей Федорович ушел со строительства Куйбышевской ГЭС.

— Я почетный пионер двенадцати школ, — улыбается, говорит он.

А рядом с ним на площади стоит генерал. По красному галстуку, надетому поверх генеральского мундира, сразу видно, что Михаил Петрович Ерминов тоже почетный пионер. Он с отеческой любовью глядит на гвардию юных ленинцев.

На праздник приглашены писатели, связанные своим творчеством с пионерией.

Пионеры на Красной площади. Фото А. Ляпина

Пионерский праздник на Красной площади

С ВЕРКАЮЩИЕ раструбы фанфар нацелились в небо. Над площадью призывно зазвучал сигнал «сбор». И сразу веселые разноголосые ряды замерли. Началась торжественная линейка. Я не буду описывать в точной последовательности все, что происходило в это солнечное майское утро. Хочется рассказать только о том, что особенно чутко отзывалось в сердце.

Запомнилась команда, не похожая ни на одну уставную:

— В возлюбленню цветов, — смирно! И внуки великого Ленина На площадь с цветами пришли И вместе с цветами весенними Любьбу с Ильичу принесли. И дети цветы возлюбили (Был каждый с огромным цветком) И весь Мавзолей окружили Живым ароматным венком.

Юрий ЯКОВЛЕВ

Клянемся партией родной, Клянемся гвардией седой, Отцам клянемся смело, Что будем твердыми всегда, Что не отступим никогда От Ленинского дела.

Пускай не легок будет труд, Пускай ремя в покое труд. Мы не уроним чести. Чтобы слова «Бери пример!» С крылатым словом «Пионер» Всегда звучали вместе.

МЫ УХОДИЛИ с Красной площади, унося в сердце свою неизменную любовь к пионерии, веру в ее будущее, гордость за наших детей. А где-то над миром в заоблачных просторах неся по орбите третий спутник — смелый разведчик того недалекого, сказочного будущего, когда эти ребята в красных галстуках станут взрослыми и получат от нас в наследство страну победившего коммунизма.

НЕДАВНО в Варшаве вышла на польском языке антология советской поэзии под названием «Сто тридцать поэтов»

В этой книге имеется ряд переводов моих стихотворений. Однако наряду с такими стихами, как «Охота на тигра», «Охота на нерпу», и другими я с удивлением обнаружил за своей подписью стихи Евгения Ней. Евгений Ней имеет ко мне самое прямое отношение: это герой моей стихотворной повести «Записки поэта» (1928), последняя глава которой представляет собой сборник лирики Евгения Ней — «Шелковая луна». Я не хочу утомлять читателя экскурсами в прошлое. Скажу только, что стихи Евгения Ней так относятся к моему творчеству, как стихи Козьмы Пруткова к творчеству А. К. Толстого. Иначе говоря, лирика Ней создана мной, но это не моя лирика. Можно ли путать автора с его героем да еще перед аудиторией, которая совершенно не в курсе дела?

Я не выступил бы сейчас с этой статьей, если бы в антологиях других стран не наблюдалась позорнейшая схожая картина. В Нью-Йорке, например, не так давно вышел на русском языке сборник советских поэтов, в котором моя поэзия представлена стихами 1922—1923 годов («Цыганская тройка», «Цыганская распойка»), а также новеллой «Казнь Стецеры», где юный автор, еще не выросший до диалектического взгляда на жизнь, обеими ногами стоит на почве узкоэгоистичной оценки явлений. Со времени «Казни Стецеры» и смерти Евгения Ней (бедняга покончил жизнь самоубийством) прошло тридцать лет. За это время мое мировоззрение совершило огромную эволюцию, связанную как с фактами моей личной биографии, так и с событиями исторического масштаба, захватившими мою страну. Это не могло не отразиться самым коренным образом на моем творчестве. При желании редакторы антологий могли бы включить в эти сборники если не отрывки из моих эпопей и трагедий (основу моей поэзии), то хотя бы такие лирические произведения, как «Я это видел», «Россия», «Баллада о Ленине», «Севастополь», «Тамань», «Hotel «Istria» и др., дающие гораздо более глубокое представление о моей сокровищнице творчества. Но составители антологий упорно помещают только ранние мои стихи. Почему? Не потому ли, что «архивный Сельвинский» не укладывается в их концепцию об «угасании» советской литературы?

Илья СЕЛЬВИНСКИЙ

ПО ДУШАМ

Ответ моим зарубежным «благожелателям»

Как известно, на Западе существует легенда, гласящая, что советская поэзия, давшая высокий всплеск в начале революции, затем якобы обнаружилась решительный спад. Эта модная «теория» представляет наш литературный процесс следующим образом: вначале бе Слово, и Слово бе у Поэта, но затем оно перешло к политикам, которые по-фельдфельски командуют поэтами: ты, мол, напиши об этом, а ты о том. В итоге поэзия умирает. Для доказательства этой мысли обычно, с одной стороны, ссылаются на действительно бездушную риторику ряда наших поэтов сегодняшнего дня, а с другой, — в противовес этому, подбирают из наших советских классиков исключительно стихи с грустной интонацией. Что можно на это возразить? Стихов поэтов всегда было много, во все эпохи и у всех народов. Наши гениальный Пушкин творил свои бессмертные образы рядом с такими шумливыми лириками, как Олин, Шевырев, Обоинский, барон Розен, Рюмин. Рядом с ними на известном только потому, что они имели счастье жить в пушкинское время. Но разве бездарные стихоплеты что-либо значат на весах истории? Да, скрывать нечего — у нас тоже есть свои Рюмины, но кто же сомневается в том, что не они определяют лицо нашей литературы? А с другой стороны, разве отдельные цитаты из Маяковского или Есенина, отражающие какие-то мгновения душевного упадка, свойственные всякой большой жизни, но совершенно не характеризующие ее? Чем бы ни объяснял самоубийство Маяковского, да всякого, знающего его творчество, ясно, что перед нами — могучий, жизнестроительный дух поэта новой эры. Именно это сделало замечательного стихотворца великим поэтом, именно это заставляет наших идейных противников дребезжать на его лице объявлять оспой, «срывающей все лицо».

За последние годы я начинаю чувствовать, что некоторые мои зарубежные «благожелатели» пытаются и мою музыку присоединять к числу трагических случаев советской эпохи. Почему для этого они находят в некоторых стихах моей

Николай Михайлович ШВЕРНИК

Товарищу ШВЕРНИКУ
Николаю Михайловичу

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза и Совет Министров СССР горячо приветствуют Вас, одного из виднейших деятелей Коммунистической партии и Советского государства, в день Вашего семидесятилетия.

Еще в годы первой русской революции Вы вели руководящую революционную работу, как один из выдающихся петербургских рабочих-большевиков; всю свою славную жизнь Вы посвятили неутомимой борьбе за дело рабочего класса, за дело коммунизма, с честью выполняя большие задачи на каждом посту, который Вам поручала партия. Ваша плодотворная деятельность в профсоюзных, в Президиуме Верховного Совета СССР и теперь в Комитете Партийного Контроля при ЦК КПСС снискала Вам глубокое уважение всей нашей партии и советского народа.

Желаем Вам, дорогой Николай Михайлович, многих лет здоровья и дальнейшей успешной работы на благо нашей великой Родины.

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза Совет Министров Союза ССР

ПО ДУШАМ

ние партии сделать наше искусство как можно выше, идейнее, народнее. Партия зорко следит за тем, чтобы искусство не скатывалось к мещанству, пустой развлекательности, вагонуному чтivu, чтобы талант не размывался на мелочь. В советском обществе одаренный поэт становится великим, ибо нет величия без открытости, а крылья поэту дает великая идея. В наши дни такой идеей может быть только жизнь во имя народного счастья.

Бывают строфы из жемчужин, Но их немного мы храним; Тогда лишь стих народу нужен, Когда и дышит вместе с ним.

Эту связь поэзии с народом осуществляет партия. Она указывает литературе путь, она же воспитывает эстетический вкус народа, позволяющий ему постигать высокое в искусстве. Вот почему мы так преданы партии. Вот почему, едва началась война, грозившая смертельной опасностью всему советскому строю, многие и многие наши писатели вступили в ряды большевиков и двинулись на фронт. Вот почему, если уж говорить о подвиге, советская поэзия дала невиданный всплеск именно в годы войны, когда каждая струнка нашего сердца, каждая искра нашего мозга с особенной пламенностью повсвещались народу.

После XX съезда, на котором Центральным Комитетом с беспримерным мужеством осудил культ личности, многие джеспрогрессисты Запаа, преклонявшиеся перед нашей партией, вдруг шархнулись от нее в сторону. Но, к сожалению, шархальщики эти принимают за рубежом живое участие в оценке нашей литературы, а так как раненому кажется, будто сражение проиграно, то они и ставят на нас, здоровых, черные кресты.

Против моих зарубежных друзей сделать из моей статьи трезвые выводы. О себе же, в частности, скажу: я предпочтительно скорее быть абсолютно неизвестным иностранному читателю, чем фигурировать перед ним в образе статической единицы, которую подверстают в «школу загубленных». Расценивайте меня, как хотите, но только исходите из того — что я представляю собой в действительности.

ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ АВТОРОВ

ЧЕТЫРЕ ДНЯ в Доме писателя имени В. В. Маяковского проходила очередная конференция молодых авторов Ленинграда и Ленинградской области. В ней приняли участие сто семидесят поэтов, прозаиков, драматургов, сценаристов — их произведения разбирались и обсуждались на творческих семинарах, работавших в Доме писателя. Семинарами руководили литераторы старшего поколения — прозаики А. Лебедев, Г. Гор, Н. Григорьев, поэты В. Рождественский, В. Шеднер, Б. Лукачев, В. Азаров, критики Т. Хмельницкая, Д. Молдавский, З. Штейнман, А. Никол, драматурги А. Зиновьев, А. Миньковский, Ю. Прицков и другие. Вместе с ними в руководстве семинаров принимали участие и группа молодых писателей, недавно принятых в члены союза, — Н. Верховская, А. Шеккин, Э. Оффен.

На конференции было обсуждено немало интересных, по-настоящему талантливых произведений. К изданию рекомендованы книжки стихов солдата Л. Кривошеенко, участника Великой Отечественной войны А. Шибалева (Красное Село), работница новолодской газеты М. Петрова. Студии «Ленфильм» рекомендованы сценарий штурмана дальнего плавания А. Радыгины «Гавань» и рассказы Г. Горьшина, педагога В. Кедрова. Для публикации в журнале и альманахах отобраны стихи и рассказы студента Горного института Л. Азеева, слесаря фабрики «Озона» А. Сорочкина, студента Технологического института Д. Бобышева и других.

Итого конференции были обсуждены на заключительном пленарном заседании. С большой речью, посвященной некоторым вопросам идеологической работы, выступил секретарь Ленинградского горкома партии А. Петров. В Доме писателя состоялся вечер молодых поэтов — участников конференции. ЛЕНИНГРАД (Наш корр.)

ХИМИЮ — НА СЛУЖБУ НАРОДУ!

Чем богат Казахстан...

НЕДАЛЕКО от первой домы строящейся казахстанской «Магнитки» возводятся стены коксохимического цеха. Он будет одним из крупнейших в Советском Союзе. На стройке его заняты сотни юношей и девушек, прибывших сюда по комсомольским путевкам. В связи с постановлением майского Пленума ЦК КПСС молодые строители решили досрочно завершить сооружение цеха. Уже в будущем году он даст кокс и первое сырье для производства синтетических материалов.

Казахстан — край неисчерпаемых богатств. Новое решение партии открывает огромные возможности для их использования. Сейчас в республике развивается карбидная и нефтеперерабатывающая промышленность, вдвое увеличилось производство искусственного волокна.

На выставке, открывшейся в эти дни в Кустанайском городском Доме культуры, экспонируются образцы различных тканей, в производстве которых принимает участие местный завод искусственного волокна: высококачественный драп, прекрасное трико, сукно... Ткани эти содержат от тридцати до семидесяти процентов штапельную волакону, выпускаемого кустанайским заводом. После долгих опытов здесь решили отказаться от переработки дорогостоящей привозной целлюлозы, идущей на изготовление шелковых нитей. Вместо нее будут применяться отходы казахстанских хлопкоочистительных заводов.

На берегах рек и озер Казахстана — непроходимые заросли камыша. В Государственном научно-техническом комитете Казахской ССР подсчитано, что в республике можно ежегодно заготовить около четырнадцати миллионов тонн ва-

мыша, пригодного не только для строительства домов, но и получения ценных продуктов для производства химического волокна. В Алма-Атинской, Джамбулской, Кызыл-Ордынской областях можно выращивать клеверину, необходимого для производства рислана — нового вида пластмасс.

В ходе обсуждения решений майского Пленума ЦК КПСС выявляются все новые и новые ресурсы, позволяющие расширить изготовление синтетических материалов и изделий из них.

Ученые Казахстана предполагают, что в недрах республики хранятся огромные запасы природного газа. Но это пока только гипотезы. На просторах Казахстана до сих пор не пробурено еще ни одной скважины для выяснения газоносности. А ведь газ, как известно, не только топливо, но и ценное сырье для химической промышленности.

В поисках и разведке газа и нефти решающее значение имеют геофизические методы, — говорит заведующий лабораторией геологии Института нефти Академии наук Казахской ССР Т. Джумаатаев. — В связи с этим целесообразно Казахстанскую геофизическую контору объединить с «Казахстаннефть» реорганизовать в Геофизический трест.

Думается, что это и многие другие предложения в скором времени найдут свое решение. Великая задача, выдвинутая партией, будет успешно осуществлена. Залог тому — небывалая творческая активность трудящихся, вызванная историческим постановлением майского Пленума ЦК КПСС.

А. АЛИМЖАНОВ,
собственный корреспондент
«Литературной газеты»

АЛМА-АТА.

В институте полимеров

ИНСТИТУТ высокомолекулярных соединений Академии наук СССР еще очень молод — со дня его основания не прошло и десяти лет.

— Особенность нашей работы в том, — говорит знакомый мне с деятельностью института профессор М. Котон, — что в ней как бы сливаются, синтезируются данные нескольких наук, ранее существовавших обособленно: физики, химии, механики, биологии.

Вряд ли можно сейчас найти отрасль производства, где не использовались бы полимеры — каучуки, пластмассы, синтетические волокна и ткани, масла, смолы и иные полимерные вещества и материалы. С другой стороны, наука о больших молекулах сливается с биологией, ибо с полимерами (природными) связаны и самое происхождение жизни, и все живые процессы.

Научный коллектив Института высокомолекулярных соединений разрабатывает главным образом вопросы теории. Однако очень многие из проведенных в его стенах работ теснейшим образом связаны с промышленной практикой, с сельским хозяйством и т. д. В лаборатории синтеза новых полимеров (се возглавляет профессор М. Котон) созданы, например, полимеры, позволяющие улучшить структуру почвы. Испытания их, проведенные агрофизиками на опытных, пока еще небольших участках в Гатчинском районе под Ленинградом, показали, что полимеры способствуют сохранению структуры почвы, предохраняют ее от выветривания, значительно повышают урожай.

В физико-химической лаборатории, которой руководит профессор С. Бреслер, разработан весьма эффективный метод очистки антибиотиков при помощи так

называемого «молекулярного сита». Этот метод применяется ныне не только у нас, но и в ряде стран народной демократии. Лабораторией синтеза эластомеров под руководством кандидата химических наук А. Короткова разработаны новые методы получения высококачественных синтетических каучуков. Сложные вопросы теоретической физики полимеров изучаются в лаборатории профессора М. Волькенштейна. Немало интересных исследований проводят и другие лаборатории института.

Постановление майского Пленума ЦК КПСС встречено здесь с огромным подъемом. Профессор М. Котон рассказывает о предстоящем расширении института, о дружном коллективе молодежи, пришедшей сюда в последние годы.

— Теперь наш институт, — говорит он, — получает новые возможности для более широкого развертывания теоретических исследований, поисков новых путей синтеза полимеров и установления связей между их химическим строением и физико-механическими свойствами. Мы сможем полнее и лучше удовлетворять быстро растущие запросы отечественной промышленности.

— Наши силы, — говорит в заключение ученый, — увеличиваются многократно: в наш научный арсенал входят новые методы получения полимеров. Широкое применение в синтезе полимерных материалов получают радиационное облучение, воздействие ультразвуком и другие современные научные методы исследования. Перед нами — широкие горизонты.

А. ПОЛОВНИКОВ,
собственный корреспондент
«Литературной газеты»

ЛЕНИНГРАД.

Николай АГЕЕВ

РОССИЯ

Земля отцов —
Моя Россия!
Твоих полей пшеничный плес,
Твои громады заводские
Люблю по-русски я —
До слез...

Твой третий спутник на орбите,
Уйдя в космическую ширь,
Летит
Пространства победитель,
Тобой рожденный богатырь!

Пусть видят недруги и други,
Чем мы сильны,
Чем хороши...

Позволь твоим, Россия, руки
Поцеловать от всей души.

НАШ ФУТБОЛ

ШЕСТИДЕСЯТ лет назад в русских портовых городах начали играть в мяч. Это был футбол, завезенный морянами. Игра сразу полюбилась народу.

В те времена больше всего футбол был развит в Петербурге, Москве и Одессе. Там проходили состязания не только между городскими клубами, но и международные встречи.

По-настоящему футбол в нашей стране начал развиваться в годы Советской власти. Вместе с другими видами спорта он приобрел большое значение в деле физического развития молодого поколения.

Оглядываясь назад, чувствуешь, какой огромный скачок совершил наш футбол. Если раньше этой игрой увлекались тысячи молодых людей, которые топили мяч на пустырях и плохих площадках, то теперь организовано в команды полтора миллиона футболистов.

Советские футболисты довольно быстро «набрали» класс игры. В этом году проводится XX юбилейный розыгрыш первенства страны по футболу.

Многие клубы — «Спартак», «Торпедо», «Динамо», «Локомотив», Центральный спортивный клуб Министерства обороны — стали очень популярными и любимыми командами. Они выписали немало славных страниц в историю советского футбола.

Инженер Константин Сергеевич Есенин — сын поэта — в течение многих лет ведет футбольную летопись. Он, например, подсчитал, что на первенство страны сыграно более 3 000 матчей, а забито около 10 000 голов (более двухсот из них забито защитниками в свои ворота).

Теперь наш футбол вышел на большую международную арену. Бояться встречаться с сильными зарубежными командами, к счастью, исчезла. Она, несомненно, тормозила повышение класса нашего футбола.

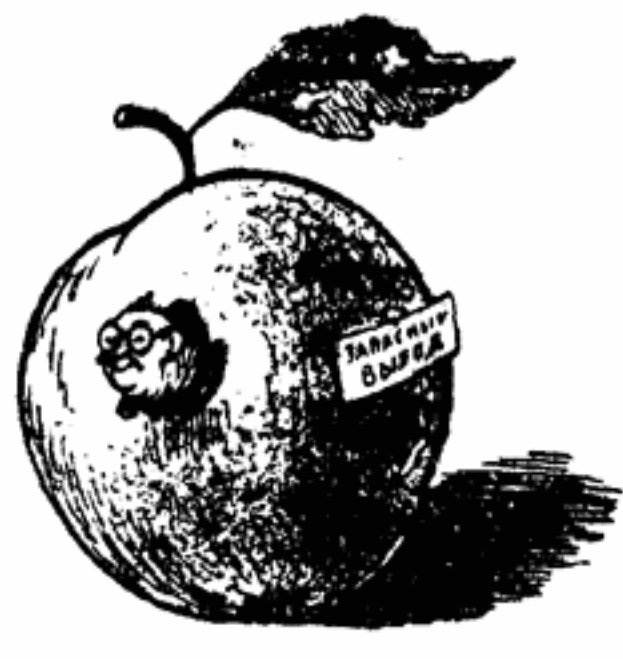
В актив советских футболистов следует записать победы над сборными командами Болгарии, Польши, Швеции, Венгрии и, наконец, две замечательные победы над чемпионками мира — футболистками Западной Германии.

Два года назад в Мельбурне на Олимпийских играх сборная команда СССР стала олимпийским чемпионом и завоевала золотые медали.

В прошлом году в отборочных состязаниях на первенство мира советские футболисты победили спортсменами Польши и Финляндии и стали финалистами всемирного чемпионата. Он начнется 8 июня в Швеции матчем сборных команд Англии и СССР.

Поздравя эти команды встретились на Центральном стадионе имени В. И. Ленина в товарищеском матче. Он прошел в дружеской обстановке и закончился ничью — 1:1.

М. МЕРЖАНОВ

Начальство упрямое: Муравья: — Нескромность надоела нам твою! Какой-то ты нахальный, неумный, Суешься всюду — аж в глаза работ.

А вот Червяк — товарищ скромный: Забрался в яблоко — и тихо там сидит!

АВТОРИТЕТНОЕ МНЕНИЕ — Солидность — не порок! — Изрек Сурок.

УДОБНЫЙ НАЧЕЛЬНИК — Ну, Лисанька, каких начальник новых! — Крош! Наверно, трудно с ним: ведь спит он безмятежно.

ЖЕРТВА МОДЫ — Что, трудно? Мне легко, наоборот: Когда начальник спит жить можно!

ПЕНЬ С ЗАПРОСАМИ — Ой, что с тобой, Лебедушка, случилось! Все перья — дубом, в саже извозилась... Не узнае модного фасона! Теперь я — заграничная Ворона!

В лесу такого не бывает, Что не был слышим скрип гнилого Пня: — Призывай стройным тополом меня!

по СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«Клад в Ходжа-Оби-Гарме» — ЗАМОЩЕНА, опубликованной под таким заголовком в № 12 «Литературной газеты», привелись факты неувлажнительного обслуживания больных и плохого использования природных ресурсов курорта Ходжа-Оби-Гарме.

Заместитель министра здравоохранения СССР тов. Хомотов сообщил редакции, что Министерство здравоохранения СССР обязало министра здравоохранения Таджикской ССР тов. Рахимова принять меры к улучшению работы этого курорта. Рекомендовано, в частности, ускорить окончание разработки генерального плана развития курорта, в ближайшие 1—2 года перевести курорт на круглогодичную работу, шире организовать амбулаторное лечение.

Надо полагать, что Министерство здравоохранения СССР вновь вернется к этому вопросу и, не ограничиваясь своими рекомендациями, примет практические меры к улучшению как данного курорта, так и других местных курортов.

ШУМЕЛ ЧЕРТОПОЛОХ... Ты видишь, брат Буряк, Какую люди мне готовят участь! Искоренить рожки, как сорняк. Все ясно: на меня гоненья за колхозы!

УДОБНЫЙ НАЧЕЛЬНИК — Ну, Лисанька, каких начальник новых! — Крош! Наверно, трудно с ним: ведь спит он безмятежно.

ЖЕРТВА МОДЫ — Что, трудно? Мне легко, наоборот: Когда начальник спит жить можно!

ПЕНЬ С ЗАПРОСАМИ — Ой, что с тобой, Лебедушка, случилось! Все перья — дубом, в саже извозилась... Не узнае модного фасона! Теперь я — заграничная Ворона!

В лесу такого не бывает, Что не был слышим скрип гнилого Пня: — Призывай стройным тополом меня!

по СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«Клад в Ходжа-Оби-Гарме» — ЗАМОЩЕНА, опубликованной под таким заголовком в № 12 «Литературной газеты», привелись факты неувлажнительного обслуживания больных и плохого использования природных ресурсов курорта Ходжа-Оби-Гарме.

Заместитель министра здравоохранения СССР тов. Хомотов сообщил редакции, что Министерство здравоохранения СССР обязало министра здравоохранения Таджикской ССР тов. Рахимова принять меры к улучшению работы этого курорта. Рекомендовано, в частности, ускорить окончание разработки генерального плана развития курорта, в ближайшие 1—2 года перевести курорт на круглогодичную работу, шире организовать амбулаторное лечение.

Надо полагать, что Министерство здравоохранения СССР вновь вернется к этому вопросу и, не ограничиваясь своими рекомендациями, примет практические меры к улучшению как данного курорта, так и других местных курортов.

В издательстве Союза писателей Грузии «Сабхота мцерали» («Советский писатель») создан отдел «Первая книга писателя». Уже вышли из печати произведения преподавателя одной из таблицских средних школ А. Саманадзе «На пути юности», народного сказителя И. Бершвиля «Звучала свирель», работница тинетской районной газеты Г. Гигаური «Песня гор».

В русской секции Союза писателей Грузии состоялось обсуждение первой книги инженера А. Зуброва «Мальчине новеллы». Начинаям прозаиком и поэтом оказываю действительную помощь такие писатели и критики, как А. Белиашвили, И. Гамсахурдиа, Д. Шенгелая, В. Жестки и другие. С их участием проводятся семинары молодых писателей по различным творческим вопросам. Для участия в таких семинарах в Чигатуру, Кутаиси, Гору выезжали поэты Г. Абашидзе и С. Чиковани. Лучшие произведения отбирались для опубликования в местных газетах и журналах.

ЛЕБЕДЯНИ

Эти материалы лежат без движения. Нет, он не изменил своему призванию, продолжая в одиночку вести накопления, но ему становилось все труднее и труднее. В годы войны перестали выходить краеведческие журналы, сборники, вестники. Ослабевавшая связь с такими же, как он сам, собирателями-энтузиастами. Музей — единственная организация, которая, казалось, должна была координировать и направлять их деятельность, — не мог использовать всех собранных материалов для своих экспозиций. Да и существуют они, эти музеи краеведения, далеко не во всех городах, не во всех районах. В Лебедяни, например, где Черменский провел много лет своей жизни, краеведческий музей, открытый, кстати, им самим в первые годы после революции, недавно закрылся.

И Черменский, как и сотни других краеведов, превратился, по существу, в одиночку, вызвавшего у иных людей ироническую улыбку. Окруженностью скажу, что и у меня не раз появлялось чувство жалости к этому доброму человеку, который затратил столько сил, а труды его лежат мертвым капиталом, не принося стране той пользы, которую они могли бы принести.

Уже в преклонном возрасте он, ученый и практик, написал большую работу о Тамбовщине, предлагая ее в издательство, консультировался с писателями. Все отзывались об этой работе весьма положительно, но она не издана до сих пор. Сейчас Черменский пишет новую книгу о Лебедяни и хочет подарить ее городу к 350-летию. Товарищи по школе, где он преподавал до ухода на пенсию, не раз советовали ему расстаться с краеведением, но он сохранял в себе твердую веру в то, что «благодаря своему труду всегда являет пользу», что придет время и жизнь заставит обратить внимание на краеведов — верных помощников наших хозяйственников, ученых, партийных и советских работников.

Он считает, что сейчас, когда совнархозы имеют возможность наиболее глубоко изучить ресурсы своего района, пришла пора для оживления такого важного общественного движения, как научная самодеятельность.

Непонятно, как это ушло от нашего внимания? Почему забылись добрые дела краеведов, массовые походы по родной стране, открытия, которые до сих пор оказывают помощь нашей науке? Время пришло. Многие ученые говорят сейчас о необходимости возродить краеведческое общество и тем самым дать опору научной самодеятельности.

Нужно прислушаться к этим предложениям. В их основе — доброе начало. ОДНАЖДЫ вечером мы сидели с Черменским за столом и рассматривали зарисовки старинных фресок.

Петр Николаевич вдруг озабоченно посмотрел на часы и забеспокоился. — Вы куда-то торопитесь? — спросила я.

— Не надолго, минут на сорок. Спетька у нас... Не хотите ли послушать? Мы пошли с ним вместе по темной улице. Петр Николаевич, торопило шаркая галошами, скользил на узкой, разбухшей от нахватавшегося дождя тропке. По пути он рассказывал историю старинных домов с толстыми стенами и карнизными, облепленными гнездами ласточек.

В недружливое мы сняли пальто и поднялись в ярко освещенный зал. Черменский прошел прямо на сцену, где уже собралось все участники хора. Он занял свое место в задних рядах, и его серьезно-наивное лицо потерялось среди юных, смеющихся лиц студентов. Но потом я снова увидела его. Он не пел, как он называл, «грубым» голосом, оставаясь таким же серьезным, будто исполнял очень важное дело. Это, видимо, и действительно было важно для него — живое общение с молодежью, в которой он черпал силы и веру, ради которой и занимался своим трудом.

В. ШАПОШНИКОВА

Еще в то время, когда на каникулы петербургский студент приезжал в тихую, певучую Лебедяни, он всегда отправлялся на раскопки окрестных курганов, и гимназистка Ольга Северина относилась к этим занятиям уважительно и серьезно. Блестящую будущность прочил историку и археологу — он окончил и археологический институт. Но он увлекся краеведением, и никакие обстоятельства жизни не могли отвлечь его от этого дела.

Нет, Ольга Ивановна никогда не мешала ему, она ведь сама учительница, правда, теперь на пенсии, но всегда понимала, какое значение в воспитании молодежи имеют традиции, опыт прошлого.

— Краеведение, — она говорила об этом почти что с пафосом, — это прежде всего уважение к духовным богатствам народа, ко всему прекрасному, что окружает нас. Ах, я наблюдаю этих молодых людей, сколько доброго, благородного просылается в их душах, когда перед ними раскрывается наше прошлое и настоящее в живых, конкретных событиях.

— А вот и он, — воскликнула Ольга Ивановна, на этот раз даже не повернув головы. И действительно, тотчас в коридоре послышались шаги, дверь отворилась, и я увидела на пороге высокого человека в сером демисезонном пальто в полоску и старинном, с высоким околдышем, картузе. У него было круглое, покрытое тонкими морщинками лицо с лживыми и доверчивыми голубыми глазами. Но не только эти глаза — весь облик его выражал собой что-то по-детски простое и доброе.

А спустя еще полчаса мы, как старые знакомые, обсуждали с Петром Николаевичем сложные проблемы современного краеведения...

ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ был сказочно богат. Но, как мне показалось, это было богатство, которое обременяло его его своей тяжестью. Я почувствовала это по той болезненной радости, с которой он рассказывал мне о своих открытиях и находках, доставая из каких-то заветных уголков редкие книги и рукописи. Сколько нового, интересного я услышала за несколько дней, проведенных в Лебедяни! С пятнадцати лет Петр Николаевич начал вести записки, дневники о событиях и фактах окружающей жизни, о приметах стариков, нравах, обычаях. В родном селе он видел тогда ужасающую нищету крестьян, их безграмотность, суевере. Затаяв дышанку, он смотрел, как во время мара за околицу выходила женщина в длинной холщовой рубахе и, разметав по плечам косы, охаживала село, чтобы отогнать болезнь.

Местные жители говорили ему, где залегают пески и глины, где бьют «святыи» источники, и он старательно это записывал, составлял карту по Тамбовщине. Он увлекался рыболовством, охотой, изучал природу родного края, читал труды историков Тамбовщины.

На глазах Черменского происходили волнения безземельных крестьян, совершались революционные события. В Лебедяни он был лично знаком с первыми организаторами Советской власти. Работая ученым секретарем Тамбовского общества краеведов, он выпустил несколько очерков по истории Тамбовской губернии от крепостного права до Октября, об экономике и культуре края. Он составил местную хронику революционных событий пятого года. Куда бы ни забрасывала его судьба, всюду Черменский изучал край, читал лекции, писал статьи.

Но во всех этих работах он использовал лишь часть того, что собрано за долгие годы непрерывного труда. Большой материал до сих пор хранится в шкафах Черменского, и, пока мы разговаривали, он не раз поднимался из-за стола и, похрюкивая в соседней комнате, приносил старинные рукописи, дневники, фотографии. С тех пор, как Тамбовское общество краеведения прекратило свою работу, все

Характер в мире характеров

Василий ЛИТВИНОВ

РЕВИЗИОНИСТСКИИ сухой кажим-то одним краем прошелся над нашей литературной нивой, а урон нанес ошутливый. Не надо навредить он и на том поле, которое так любовно возделывали Маяковский и Макаренко, Островский и Гайдар, — в литературе, посвященной жизни и труду советской молодежи.

У литературы этой замечательные традиции. Книжки, глубоко раскрывшие образ молодого человека эпохи социализма, стали богатством и гордостью народа. И вот на фоне этих книг вдруг замелькали какие-то пестрые повестушки, где юноша попадает в современное рабочее общество, мало чем отличающееся от «бурсы» Помыловского; пьески, в которых герой охватывает целину преимущественно в компании стилига и бюрократов; бойко рубленые стихинки, прославляющие усталую от жизни и бесконечно рефлектирующую душу юных бездельников, любящих потягивать тросточкой в самом болевом месте... Случайными, изгородными оказались в таком чтве дорогие и неразумные слова: патриотизм, комсомольский задор, гражданская честь...

Краткая, недолго обрешая внимание на идейную сторону этих произведений, как-то мало занимаясь принципами их построения. Тем не менее здесь существует своя, проверенная технология, отчетливо отражающая мировоззренческие принципы авторов. Сущность ее выливается уже в композиции произведения. Есть герой-одиночка — чистый и переспороченный, стоящий вне подозрений, как жена Цезаря. Есть его окружение: товарищи или недруги, встречные, сопутствующие — на них-то и приходится вся чернота: тут кисть с детским гуашем без роздыха. Да и чего ей не гуашь — автор уже прикинул про себя, что рецензенты прежде всего будут инте-

ресовать ведущим героем, будут доказывать, «победил» он или «не победил»; остальные же пойдут как нечто второстепенное — «второстепенные герои», «эпизодические лица», «фон»... Все это — привычные, законные термины, но какие они, в сущности, неточные, случайные, равно способные и сбить с толку неопытного литератора, и открыть лазейку для утверждения ложной тенденции.

Нет, никогда вопрос о среде, в которой действует герой, не может быть для нас малозначачим! Он первостепенен для произведения, и уездный вес его в литературе все возрастает, как и в самой жизни любого из нас все больше и больше значат взаимоотношения с окружающими людьми, с коллективом, с обществом.

Эти хорошие понимают авторы книг, противостоящих и противоположающихся ревизионистскому суховью, решающих тему молодежи с позиций наступательной правды, книг, проникнутых жизнеутверждающим пафосом, полемически заостренных против писаний всенечего «ничего».

В РЯДУ таких книг обращает на себя внимание повесть Николаия Дементьева «Мои дороги», написанная в январской книжке журнала «Звезда».

Почти что тривиальный сюжет о лесном юнце, избалованном на легких родителейских хлебах и тяжело переживающем встречу с живой жизнью, под пером вдумчивого, знающего действительность писателя превратился в боевое, оптимистическое произведение, утверждающее счастье советского бытия, идеали коммунистического воспитания молодежи. На наших глазах неорышней и в какой-то мере испорченный чуждым влиянием характер проходит сквозь испытание другими характерами, все отчетливее выяв-

ля те драгоценные душевные качества, которые заложены в нем всем укладом советской жизни и которые стали ныне определяющими в формировании нашего юношества. Автор сумел открыть в Павле Каурове, своем герое, черты подлинно поджигательного героя, сумел проследить процесс выплавки больших и сильных чувств.

Отличительный признак этого писательского умения — неслышанный интерес автора к трудовой среде, в людях, с которыми постоянно сталкивается юный герой: кто он, какова их внутренняя суть, как они влияют на молодого человека.

Жаль, что такую характерную особенность творческой манеры писателя не заметил критик Арк. Эльяшенич, который, разбирая повесть Дементьева и в целом довольно высоко ее оценивая, пишет в одной из своих статей («Отцы и дети» в «Ленинградской правде»): «Если обязательный и многогранный характер Каурова подкупает своей живостью и верностью психологического рисунка, то другие образы книги скорее намечены, чем выделены по-настоящему всесторонне».

Позвоительно спросить: как же образом мог в произведении сложиться этот «обязательный и многогранный» характер главного героя, если люди вокруг него только «намечены», выписаны слабо, схематично? Не парадоксально ли звучат формулировки, которыми можно встретить в рецензиях сплошь и рядом: автор, дескать, отлично доносит до читателей идею произведения, однако образ ведущего героя выписан бесомощно... Главный герой великодушен, а окружение его бледное; в целом же повесть достойна самых горячих похвал!

Между тем совершенно ясно, что никакая никакая идея не донесет вещь с бесомощным главным героем; точно так же невозможен разговор об удаче произведения, если в нем центральный образ написан обстоятельно, но окружен характерами, лишенными живости и верности психологического рисунка.

Вспомним хотя бы начальную порту Зубкова, общение с которым для молодого героя становится первым уроком широкого государственного мышления. Этим он ценен в повести, это автор удалось подчеркнуть в Зубкове по-особому отчетливо. И нужно ли требовать, чтобы, кроме того, были показаны, скажем, еще и семейные отношения начальника порта, и методы его руководства производством, и связи с каждым из персонажей книги? Или Витя Яхонтова. Как важно в повести все то, что говорится об этой бесполой, вездесущей девушке, с которой Павлу Каурову волей-неволей

приходится сталкиваться на всех этапах своего многотрудного пути. Стоит вынуть любую сцену с Витей — и потускнеет идея произведения, чего-то лишится характер главного героя. Рядом с ней, как и рядом с другими портретными — Петром Шиловым, Батавиным, — юноша познает цену «долгосрочного», терпеливого доверия к человеку, чувство коллективного труда и настоящего товарищества. Полнокровный образ Витя Яхонтова, на мой взгляд, является одним из наиболее свежих, живописно правдивых портретов комсомольского вожака в литературе наших дней. У Дементьева он звучит, как достойный отпор всем тем, кто не хочет видеть в комсомольской теме ничего другого, кроме опостылевшего рассказа о комсоре — тушице и бюрократе, губящего все юного и смелого.

А какие большие возможности перед самим писателем открыты эти удавшиеся ему «второстепенные» герои — люди не только с интересными судьбами и незаурядными характерами, но, что особенно важно для данного повествования, люди, отчетливо проявляющиеся в своем общественном поведении, в отношении к труду, к коллективу. Именно они позволили автору сделать глубоко «технические» сцены, так фатально не получающиеся обычно в ремесленных «производственных романах», самыми яркими, трогающими до глубины души страницами повести. Вместе с ними в произведении родилась чистая и светлая атмосфера высокой человечности, верности товариществу и своему гражданскому долгу. Именно в обществе этих людей, четко сознающих ради чего они живут на земле, автор может прямо, не боясь впасть в ложную патетику, говорить о дорогих сердцу каждого вещах: о призвании человека, о том, что самое важное в жизни — «советское, сознательное отношение во всему» и что для настоящей жизни нужны идея, сердце, любовь... горение!

И так ли уж велика вина писателя, если при этом он все же не показал своих героев «всесторонне»? Нет, — говорит Н. Г. Чернышевский, — дело не в том, чтобы всякий характер, в романе их, в драме ли, непременно развизвал-

ся, высказывал в себе в продолжение действия все новые стороны... Дело в том, чтобы всякое лицо было живым человеком и, главное, действовало так, как должно действовать по своей натуре, а не так, как заблагорассудится автору».

Н ЕЛЬЗЯ не заметить, что неожиданное оживление натуралистических тенденций в литературе последнего времени сказалось с особой силой на «второстепенных» героях. Сколько ныне бродит по повестям и пьесам безликие и случайные «человеки», задача которых покоя, между прочим, обличить или покорить наемную, без всякого повода, без какой-либо связи с сюжетом и идеей произведения. Пути всего они любят представлять в лицах или переосмысливать общезвестные газетные фелетоны... Случается, что эти «худячие пороки» сплавиваются в своеобразные коллективные волеу главного героя.

Так, например, произошло в повести Владимира Померанцева «Зрелость пришла», выпущенной «Советским писателем». Любопытно, что по своему сюжету это произведение во многом схоже с «Мои дороги» Дементьева.

ПУТЬ В ПРОЗУ

ТРУДНО было предположить, что в первой прозаической книге поэта Рауфа Галимова окажется так много языковых просчетов, словесного мусора, досадных опечаток.

Словно устав от поисков крылатых образов и смелых сравнений для своих стихов, он вдруг увлекается изыщеними, ничего не говорящими детализациями или доводиться такими банальными образами, каких, к счастью, не найти во всей его последней книге стихов — «Ищерица на камне», весомой и умной.

У Галимова-поэта есть своя внутренняя тема, свой излюбленный, отчетливо выделенный круг образов. Немногослышней в большинстве своих стихотворений, он с мужественной любовью рисует природу Средней Азии и трудовые будни ее строителей. Но лирические публицистического темперамента, его стихи лиричны, обрамлены в богатый внутренний мир советского человека. Поэтому так существенны размышления поэта, так достоверны владычества его героями чувства.

«Ищерица на камне» — книга, тоже не свободная от промахов, от стесненных или случайных строк, и все же по культуре языка — а Рауф Галимов пишет по-русски — она стоит на более высокой ступени, чем роман «Лев не возвращается по следу».

В самом деле, хорошо ли «...мысленно извращать все возражения». Что такое «...попесь ложно-классического стиля с позитивом барокко» применительно к магазину «Динамо» в Ташкенте? Пристаило ли профессиональному литератору оставлять в чистой рукописи такого рода образ: «В своем зеленом обтягивающем платье она напоминала покрытую рыбьей чешуей русалку»? Или выражаться так безвкусно-пошлой: «Врачические засурдиненные голоса скрипок побежали мелкой серебряной рыбью красноты Влтавы»? Позволять ли заставлять умную и обаятельную женщину говорить о себе: «А я ножи промочу»? А что такое «прямой девичий смех»?

Все это не приписки, а только небольшая часть тех несообразностей, которыми изобилует текст романа. Можно было бы согласно традиции сказать о них под конец общей фразой или, выражаясь языком романа, «засурдиненно». Можно было бы, следуя той же традиции, переложить вину на плечи редакторов, отметив, что рукопись пришла в набор без надлежаний над ней работы опытных литераторов из редакции «Звезда Востока». Но это было бы в какой-то мере оправдано лишь в том случае, если бы Рауф Галимов деботировал в литературе романом «Лев не возвращается по следу».

Ведь для многих поэтов, как и для Галимова, в свое время наступает «возраст прозы», суровая и зрелая проза. Полнозвучно вошла в советскую литературу проза Николая Тихонова — проза простая и весомая, столь же поэтическая, как и лучшие его стихи. Вспомним недавно появившуюся автобиографическую повесть Степана Шапачева: ее красота и музыка созданы той же рукой и тем же сердцем, которые создавали и столь популярные у читателей лирические стихи. Или другие примеры, взятые из опыта украинского писателя. Михайло Стелмак — поэт, отбывавшийся на такой огромный труд, как создание эпического романа «Большая роща», и сумевший в словесной ткани воссоздания картин природы и внутреннего мира героев не только схватить все то, что было присуще его поэзии, но и приумножить ее богатство. Высказательным художником выступил в прозе и украинский поэт Микола Руденко. И если поэт приносит в прозу высокую культуру поэтического языка, уважение к слову, понимание его весомости и образной силы, ощущение глубоко скрытой мелодии фразы или отрывка, он, несомненно, обогатит литературу. Но если вырваться из стеснительных рамок поэзии в прозу, как на Рауфа Галимова, «Лев не возвращается по следу». Роман. Журнал «Звезда Востока», № 10, 1957.

какой пустырь, где все дозволено, где возможно любое направление, где гонимся первое попавшееся по руку слово и любая неслучайность, — можно долго пробыть без ясной дороги, действуя в ползании, рискуя привагнуться к серости и однообразию.

События романа «Лев не возвращается по следу» можно довольно полно пересказать в немногих словах. В Ташкенте предсезает инженер Бурцев, назначенный директором машиностроительного завода. Он поздно женился, жизнь с женой не сложилась, и ни те, еще связывающие его с московским домом, в сущности, не ощущены. При бывшем директоре Гармашеве завод технически отстал, и Бурцеву сразу же пришлось встретиться со значительными трудностями. В конце концов он справляется с ними, выходит победителем, хоть и не без синяков и личных огорчений. Бурцев полюбил своего секретаря Эстезию и нашел в ней настоящую подругу жизни — умную, живую, с высокой требовательностью к людям и подлинной любовью к труду.

Средобразие композиции романа заключается в том, что повествование, развивающееся в наши дни, в нескольких местах прерывается вставными «новеллами», большими главами, которые посвящены прошлому героев. Подробное всего идет разговор о юности и минувших годах жизни Бурцева, и это повествование — главная фигура романа. Но, пожалуй, лучшая глава романа восьмая — талантливый рассказ о прошлом старого рабочего Муслима, о его молодости, прошедшей в борьбе со злобными баями, о живой и неунывающей ярости в врагах революции. Эта глава, с ее прелестью, тонкими диалогами, с выразительной и точно переданным бытом, прозаическими зарисовками, неспокойными ночными раздумьями старого Муслима, говорит о творческих возможностях Рауфа Галимова-прозаика больше, чем десятки других страниц романа.

Однако не все отступления в прошлое художественно оправданы. Среди окружения Бурцева людей есть явно приукрашенные фигуры заводского снабженца Бахно. В далеком прошлом он был Юрой Бриллиантом, жуликом и искателем приключений. Следует целая глава, относящаяся к двадцати годам (хотя в ней использованы песни и анекдоты значительно более позднего времени), выдержанная в духе одесской эзотерики, глава, весьма условно связанная с основным повествованием. Она явно мешает роману.

Хорошо, что Рауф Галимов не отделяет производственную тему от личной, так сказать, интимной. Вероятно, поэтому и само существование Бурцева обретает необходимую полноту и правдивость. Бурцев привлекает прямой, взволнованной заинтересованностью в своем деле, искренней, а не показной скромностью, нравственной чистотой.

Однако романтист не почувствовал до конца, какие большие драматические возможности скрыты в производственном конфликте романа. Ему не удалось полностью решительными, революционными методами, насыщая необходимость срочного вынуждения хлопкоуборочной машины, консервативности отдельных представителей инженерно-технического персонала, разрозненных деятели Гармашева, и возмущающая активность коммунистов, передовых рабочих, талантливых конструкторов. Но сознательно подготовив весь этот материал, достигнув большого успеха в изображении таких персонажей,

возможно, тут сказались недостатки опыта. Ведь, в сущности, Галимов собрал хороший «строительный материал»: предводитель директора, отсталость предприятия, которую можно преодолеть только решительными, революционными методами, насыщая необходимость срочного вынуждения хлопкоуборочной машины, консервативности отдельных представителей инженерно-технического персонала, разрозненных деятели Гармашева, и возмущающая активность коммунистов, передовых рабочих, талантливых конструкторов. Но сознательно подготовив весь этот материал, достигнув большого успеха в изображении таких персонажей,

ощущаешь рожденное повестью чувство какой-то опустошенности, тягостной неустроенности бытия: трудно, трудно, трудный век, трудные люди...

Действительно, что за народ окружает Алешу Корнея, что за друзья и воспитатели попались ему в начале жизненного пути? Вот работяги прокуратуры, куда Алексей вошел с таким доверчивым, открытым для всего светлого сердцем. Прокурор Свешников — отвратительный двурушник. Седокователь Ябонский — «молчаливый подчиненный», приспособленец, безнадёжно смирившийся с беспорядками в коллективе. Секретарша Людмила Ивановна — «летящая», полная жемки и злобы. Даже конюх, самый маленький здесь человек, — ни больше ни меньше как «слабоумный» и «идиот»...

Нелегко Алексею найти настоящих людей, которые не были бы поражены душевной «червоточной», и за стенами прокуратуры. Стоило ему впервые вырваться в общество, попасть на знавший ужин, где собрался самый что ни на есть цвет района, как местный спортивный деятель Нефедин с каким-то извержением оптического проволочника, у всех на глазах, спавает юному, что того назавтра же едва не сняли с работы «за пьянку». Стоило Корнею обрести себе друга — председателя райисполкома Лобова, в характере которого Алексея привлекали непосредственность, беззаветная преданность делу, чтобы тут же обнаружилась, что общественная активность Лобова в значительной степени держится на самоуверности и недостаточной культурности, и что вообще Лобов — «только наиболее деятельный тип неадекватного деятеля».

Другой человек, с которым близко сошелся Корней и по-символически полюбил его, — старший судья Иванов (кстати, этот герой уже знаком нам по статье того же автора «Об искренности в литературе»: это тот самый судья, которого больше всего на свете занимают случаи, где «закон делается препропой правильной установкой жизни»). Но хорош он, как говорится, до первой беды. Наступают дни горячиши для Алексея испытаний, когда от юности отворачивались многие, когда секретарь райкома отказывается выслушать его, когда Свешников

как Муслим, Ильяс и некоторые другие, автор недостаточно умело сложил всю постройку. Многие главы романа могла бы быть значительно напряженнее, а характеры — выразительнее и сильнее.

Отчетливее всего прохидит через книгу линия взаимоотношений Бурцева и Эстезии. Здесь Галимов выступает тонким, искренним лириком и наблюдательным художником, которого ждуть и в прозе новые удачи.

Любопытна подробность. Рауф Галимов легче справляется с характеристиками, с раскрытием внутреннего мира, чем с обстоятельствами действия. Поэтому он порой ставит своих героев в очень невыгодное положение. Только на поверхностный взгляд есть какой-то смысл в том, что Бурцев и Эстезия с самого начала поселились под одной крышей и с первых фраз заявляют читателю о возникновении любовной темы. По сути же, это крайне невыгодно и создает опасение банальности, жестокого романа в прозе. Столь же мало оправданы, например, мальчишеская беднота Бурцева по делам об руку с Эстезией, почти бестактная игра на «распахивающемся халатике» и всяческие звездно-лунные краси-

вакают своей чистотой и искренностью. Это свидетельствует о способности автора создавать живые характеры, переславляющие даже некоторую фальшивость внешних обстоятельств.

Рауфу Галимову в его будущих начинаниях (как и в работе над завершением этого романа) надо прежде всего пожелать единства колорита, которое может возникнуть только в результате простоты и естественности повествования. Рауфу Галимову, как всякому здоровому таланту, простота ближе, чем вычур и краснота. Главное, чтобы путь в прозу не казался ему слишком легким в сравнении с кропотливым и вдохновенным трудом поэта. Нельзя прийти в прозу, оставив вдохновение на стихотворных дорожках. Как прозаик, Галимов тоже должен быть и горяч. Но одного этого мало. Нужны выскательность, борьба с сорными словом, погоня самого точного и самого выпуклого выражения мысли.

Я не сомневаюсь, что эти старые истины ясны и Рауфу Галимову. Но в романе он часто пренебрегает ими, а это опасно.

ПАМЯТНИК ПАТАВАН

Образ азербайджанской поэтессы XIX века Натаван изданья привлекает скульпторов, живописцев, графиков. Натаван сама неплохо рисовала. Сохранились ее иллюстрации к собственным стихотворениям, миниатюры, разные изделия из кости. Одну из работ Натаван увез с собой Александр Дюма, побывавший в Баку в середине прошлого века.

Недавно скульптор Омар Эльдаров выделпил глиняную модель памятника Натаван, который будет отлит из бронзы и установлен на одной из центральных улиц Баку. На снимке скульптор О. Эльдаров за работой над моделью памятника Натаван. Фото С. Кулишова.

КИНО Встреча с Достоевским

В ФИЛЬМЕ «Идиот» настойчиво, даже неотвязно повторяется один и тот же мотив: князь Мышкин разговаривает с генералом Епанчиным, а между ними горят свечи, мерно колыхнувшись язычками пламени, бросая светлые блики на лица собеседников; Мышкин рассказывает дочерям генерала о несчастной пастушке Марии, — за его спиной тепло, мягко разливается свет канделябра; Гаяя изливает князю свою душу, — и сияющий огонек догорающей свечи освещает его неверным, дрожащим светом. Так через всю картину — угрюмый и зловещий полумрак, таинственные тени на стенах, выхваченные из черноты, как на полотнах Рембрандта, лица, отблески пламени на щеках, в зрачках и, как заключительный аккорд, — беспощадное пламя, жадно охватившее папку денег, — сто тысяч! — и освещенные этим красноватым светом лица, корчащиеся, смежающиеся, точно сами поджариваемые на этом неутомимом огне. Образ пламени владычества в фильме. Он выражает его эмоциональный накал, его внутреннюю тональность. Это фильм о людях, захваченных страстями отчаянными, огненными, живущих в лихорадочном, колеблющемся мире. Так, как кажется, видел роман Достоевского автор сценария и режиссер Инна Пырьев.

Пырьев упорно стремился к искусству потрясения. Так совершенно закономерно он пришел к Достоевскому.

Почему был выбран «Идиот»? Почему это произведение приобрело за последнее время такую популярность? Дело, должно быть, в том, что в «Идиоте» с особой силой и резкостью выразилась ненависть Достоевского к царству денежного мешка, к миру бесстыдного стяжательства. Со страшной тоской стремится писатель воплотить идеал свободы, гармонического человека, но и, пожалуй, нигде так ясно не терпит крах его попытки противопоставить своего героя зла, нигде так наглядно не проявляется трагическая раздвоенность Достоевского. Правда, это уже главным образом во второй половине романа.

Пырьев экранизировал пока только первую часть. Он показал героев в их борьбе, а не в поражении. Такой принцип проведения последовательно, сильно. Это обусловило цельность фильма, его взвешенный нерв, его нарастающую напряженность.

Чистота, бескорыстие, человечность в столкновении с ачностью, темными страстями, глумливой подлостью — вот общая тема фильма, развиваемая Пырьевым в сценах, kloчущихся внутренним огнем, пронывающихся в откровенных поиниках. И режиссер не оставляет нейтральным в этой борьбе. Его боль, его гнев современного художника ощущаются в картине, но при этом он сохраняет историческую дистанцию, остро передает время.

Когда вместе с героем фильма выходил из вокзала и осматривался во круг, делается ясно: да, это Петербург Достоевского! Глядя, пронизывающий туман, насыщенный нечистыми испарениями большого города, мрачные тучи, подслеповатые окна, грязные стены, которые много могли бы порассказать подобно «Мейеровой стене» — свидетельнице больших кошмаров Ипполита. И везде — в роскошных апартаментах и жалких каморках дохлых домов — идет жизнь, полная страстей, нечистых намерений, «капитальных целей» стяжательства.

Тема денег акцентирована Пырьевым с первой сцены. Уже в поезде начинается разговор о наследстве и уместному, жирному слову «миллион» аккомпанирует подобострастное, умяло-восторженное хихиканье. Генерал Епанчин с величавой наглостью взмывает двадцатипятирублевой ассигнацией перед Мышкиным, потом ее позорительно и жадно рассматривает grubия и шут Фердыченко и уважительно, чуть ли не по стойке «смирно» принимает отставной генерал Иволгин. Ассигнация царит в этом мире. А когда она уможена тысячекратно и в виде неяркой, прозаической папки с хрустом опущена на стол, тут уж она идол, бог, источник молитвенного восторга.

Особенно сильно звучит эта тема в образе мелкого чиновника Гаяя Иволгина. Борьдка в «стакле» Наполеона III, лихорадочный блеск в глазах, кривящиеся в странной гримасе губы, светулистые и боази, чтобы кто-нибудь не заметил этой светулистости, — таков Гаяя — Н. Подгорный. Готовый продать свое честное имя, «опозорить фамилию», женившись на Настасье Филипповне, он в то же время страшно хочет себя уважать. Заплетавшимся шагом, стремясь сохранить независимую осанку, уходит Гаяя от горящих денег — его ста тысяч. Но органичная натура не выдерживает груза гигантского честолюбия. Он падает мертвым, не дойдя до порога. Метания, страшный и жалкий в своих метаниях, в своей изменчивой неопределенности, предстает перед зрителем. А рядом Инна Александровна — лабораторное резками морщинами лицо, сухие, воспаленные глаза, дрожащий от сдерживаемых слез подбородок — вот он, образ гордого тайного страдания, блестяще запечатленный К. Полювиной. А здесь же незаметный молодой человек — росточник Птицын, барин и «букетник». Тоцкий с голым черепом и отвратительными, плотоядными губами, солдашки и тупоумный генерал Епанчин... И вот среди этих людей появляется князь Лев Николаевич Мышкин.

«Главная мысль романа — изображать положительного прекрасного человека», — писал Достоевский, работая над «Идиотом». Юрий Яковлев, исполняющий роль Мышкина, решает на акране эту задачу удивительно естественно и свободно. Что сразу врывается в сердце — его взгляд. Его глаза, огромные, мягкие, лучистые, чуть удивленные, словно заполняющие все, и лишь потом начинаешь различать высокий, открытый лоб, влажные щеки, легкую скорбную складку в углу рта, длинные, глубокие пальцы.

Именно так играет его Ю. Яковлев. Режиссер и артист не полемизируют напрямую с Достоевским. Они лишь меняют акценты. В Мышкине — Яковлеве нет болезненности, патологичности. Его чистота и простодушие колышат мотивировку самую ясную и жизненную. Это дитя, взрослый ребенок, сохранивший свежесть восприятия жизни, сердечную отзывчивость и непосредственность. При всей естественности этой трактовки она, конечно, не охватывает все сложность образа, многообразие его социальных подтекстов. Это, как мы увидим дальше, связано с общей концепцией фильма. Но заслуга Пырьева и Яковлева в том, что они сумели сделать отнюдь не хохлацкий, а жизненный образ человека высокой нравственной чистоты, гармоничного, естественного восприятия жизни.

И еще одна важная черта для героя Достоевского воплощена Яковлевым: обостренное чувство сострадания, жадная помощь, спасти... Он «не был влюблен», был страшен иначе», облекая последние дни жизни, отверженной, полубезумной Марии. (Как совсем несчастливо повторится эта история в романе!) В портрете Настасьи Филипповны его заворачивает «невнятная», «странная красота», лицо женщины, которая ведь ужасно «страдала». Он мучительно, пронзительно вглядывается в этот портрет, он ищет его, как ищет что-то. Так впервые на пути Мышкина возникает Настасья Филипповна.

«Как будто необычная гордость и презрение, почти ненависть, были в этом лице, и в то же самое время что-то доверчивое, что-то удивительно простодушное» — это описание Достоевским Настасьи Филипповны Ю. Борисова точно передала в рисунке роли. Вот она влетает, шурша юбками, в дом Иволгиных — наглая, размазавшаяся... Беспременно усаживается в кресло, громко хохочет над задремавшим стариком-генералом, откровенно наслаждается скандалом, «вызываям популярную компанию Рогожина. И вдруг, ошеломленная словами Мышкина «разве вы такая», сникает, горныость бросается к матери Гаяя, задыхается в глазах, подтекает откровенно убеждает, что и в самом деле она «не такая». На этих стремительных переходах от ожесточенности к смиренню, от злой издевки к ласковой просьбе построено все исполнение Борисовой. Перед зрителем раскрывается истерзанная, мятущаяся душа. Может быть, порой эти страсти выявляются в Борисовой слишком открыто и не чувствуется в ее глазах «какой-то глубокий и таинственный мрак», и не становится она на секунду «из рязу вон», но страстность своей гуррой, душевную сумятицу женщины, оскорбленной, ненавидящей и жаждущей добра, Ю. Борисова передала убедительно.

Но то, что удалось в значительной степени ей, совсем не получилось у Л. Пархоменко — Рогожина. Пархоменко берет из портрета Рогожина, данного Достоевским, только отрицательные качества: грубость, неблагоприятность, наглость. И это уже Достоевский, не Рогожин. Это загулявший купчик Вася из «Беспокоительности», и кажется, что за этим «несоответствием», как и другими, которые в нем случае попросту можно было бы объяснить промахами вкуса, кроется определенный принцип.

Что подчеркнуто Достоевским в облике Парфена Рогожина? Его противоречивость. Это облик человека, пребывающего в непростых, мучительных внутренних борениях, в постоянной лихорадке.

Это будет большой, серьезный разговор!

26 МАЯ в Новосибирске открылся Всесибирское совещание по детской литературе, которое проводит Оргкомитет Союза писателей Российской Федерации совместно с его Новосибирским отделением.

Со всех концов Сибири — из Омска и Красноярска, Иркутска и Читы, Томска, Барнаула и Кемерово — съезды литераторы, работающие для детей, чтобы поговорить о насущных проблемах развития детской литературы, обсудить свои новые произведения, поделиться творческими планами.

Такой разговор уже давно назрел, — сказал нам старейший детский писатель Сибири Г. Пушкинцев. — Отрад сибирских литераторов, пишущих для детей, непрерывно растет. Только в альманахе «Золотые искорки», который выходит в Новосибирске с 1951 года, выступили 72 автора. В Иркутске издается детский альманах «Страна родная», собравший вокруг себя немало интересных молодых писателей. Сейчас в Сибири плодотворно работают 120 детских писателей. И все же литература для самых юных читателей развивается в Сибири еще недоста-

Почему же этот раздробленный, спутанный характер Пырьев выстраивает в одну линию? Почему режиссер, с такой изумительной бережливостью воспроизводящий каждый штрих Достоевского, вдруг решительно изменяет своему принципу, превращая в какой-то публичный дом чопорное собрание у Настасьи Филипповны? Объясняется это, очевидно, одним. Пырьев стремится запечатлеть в фильме прежде всего примы, так сказать, наружные конфликты между людьми чистыми, благородными — и грязными стяжателями. И Рогожин предстает уже только как представитель темного, страшного мира денег — и, обостряя этот конфликт, постановщик в сцене у Настасьи Филипповны показывает уже как бы не ее дом и ее общество, а дом и общество ее распятия. Тошкого, подчеркивает одиночество Настасьи Филипповны в этом мире грязной роскоши. Для усиления этого центрального конфликта преувеличивается роскошь Епанчиных и помещение, «по возможности скромное», драпируется бархатом, обставляется роскошной мебелью. Все обострено, накалено, но... не слишком ли кое-где просто для Достоевского?

Трагическая «расщепленность... сознания» Достоевского (Дунаевский) оказалась в «Идиоте» необычайно сильно. Поиск нравственного идеала и сомнения в нем; «с одной стороны... лица, полные жажды и правды, с другой — какие-то заводные и словно во все медуешься малявочки» — как писал об «Идиоте» Шергин, — все это соединилось вместе и определило крайнюю противоречивость романа. Когда Пырьев стремится взять в Достоевском здоровье, прогрессивное, когда отсекает доходящую, смакующую раздвоенность и болезненность, он поступает закономерно. Тут он прав. Но иногда, выравнивая персонажей, усиливая, просящая контрасты, подливая враждебные силы, он вместе с достоевщиной отсекает и что-то драгоценное для нас в самом Достоевском.

Душевная разрозненность героев Достоевского отразила раздробленность жизни пореформенной России, расщепленность их собственной жизни. И это существенно. Ведь буржуазный мир чистотана уничтожал людей не только в непосредственном насилие. Удар садового ножа, нанесенный Настасье Филипповне Рогожиным, только заложил дело, начало Тошки. Когда в фильме князь Мышкин и Настасья Филипповна поднимают бокалы с вином, кажется, вот два счастливых юных существа. Уберей сейчас Тошки. Епанчиных, Рогожиных, и все будет в порядке. Но ведь уже не будет. Ведь ожесточенность глубокий и таинственный мрак», и не становится она на секунду «из рязу вон», но страстность своей гуррой, душевную сумятицу женщины, оскорбленной, ненавидящей и жаждущей добра, Ю. Борисова передала убедительно.

Толкование романа Достоевского, данное Пырьевым, не лишено, таким образом, известной односторонности. Но оно не искажает Достоевского, осуществлено ярко, талантливо, самобытно. И образ пламени, пронизывающий фильм, обретает в нем случае попросту можно было бы объяснить промахами вкуса, кроется определенный принцип.

Участниками совещания будут не только литераторы, но и представители сибирских областных и краевых книжных издательств. Детства, «Детского мира», Дома детской книги.

На совещании будет обсужден также вопрос о создании в Сибири журнала, который объединял бы всех детских писателей этого огромного края.

— Мы надеемся, — говорит ответственный секретарь Новосибирского отделения Союза писателей С. Коженин, — что само совещание с его семинарами послужит также хорошей школой для молодых литераторов, чьи книги и рукописи будут обсуждаться. Новосибирск.

(По телефону от нашего корреспондента)

ЧУДЕСНЫЙ ШАГ В КОСМОС

ЗАРУБЕЖНЫЕ ПИСАТЕЛИ О ТРЕТЬЕМ СОВЕТСКОМ СПУТНИКЕ

Земля и небо

Было время, когда люди верили в то, что их судьба зависит от расположения звезд на небосводе. Они считали, что происходящее на небе определяет их земное существование. Теперь люди, живущие на земле, сами создают новые явления на небесах.

Новая звезда... Раньше это было неожиданным, загадочным событием. Новый, третий, искусственный спутник — новая ступень научного прогресса в первой социалистической стране на земле, совершенстве совместного труда советских ученых и людей техники.

Линия ЗЕГЕРС, немецкая писательница

Спутник открыл людям глаза

Удивил ли меня запуск Советским Союзом третьего спутника? Нет, не удивил. После того, как Советский Союз запустил два спутника, третий уже ожидали. Если нельзя было представить себе ни его размера, ни веса, то в любом случае после успеха двух спутников можно было предвидеть, что третий спутник будет значительно грандиознее двух своих предшественников. Так оно и оказалось.

С политической точки зрения запуск советских спутников играет важную роль в разоблачении лжи и клеветы по адресу Советского Союза. Чтобы убедиться в том, насколько советские спутники открыли людям глаза, достаточно посетить на Всемирной выставке в Брюсселе. Запуск спутников — это не только шаг в космос, но это своего рода

Редакция «Литературной газеты» обратилась к ряду зарубежных писателей с просьбой высказать свое мнение о третьем советском искусственном спутнике Земли. Сегодня мы публикуем ответы, полученные редакцией из Брюсселя.

да чудесные рекомендательные письма в адрес народов всего мира, все меньше и меньше удивляющихся подвигам, которые способны осуществить Советский Союз.

Шарль ПАРОН, писатель

Поразительные достижения

Замечу, прежде всего, что это событие меня очень обрадовало, но не удивило. Поразительные достижения страны социализма уже не вызывают удивления. Третий спутник, за которым, я уверен, вскоре последуют другие, еще более крупные, — всего лишь одно из проявлений безграничных возможностей социалистического строя, цель которого — способствовать максимальному развитию творческих сил каждого члена общества. Это новое научное достижение с достаточной силой доказывает, что советские ученые в настоящее время — первые в мире.

Советский Союз — это страна, на которую делают культуры всего мира возлагать все свои надежды. Советский Союз является полновластной защитой от тех, кто готов вернуть весь мир в ужасную войну, грозящую уничтожением человеческого рода. К Советскому Союзу — родине надежды, оплоту цивилизации — обращаются взоры всех честных людей. К нему обращают свои взоры писатели мира, главная цель которых — восполнить сердца настоящих людей мечтой о счастье, мечтой, ставшей ныне осуществимой.

Шарль МУАС, поэт

Этому удивился бы Жюль Верн!

Я не детель науки, но о спутнике можно говорить и не будучи ученым. Люди, советские лю-

ди сумели запустить в пространство массу весом более тонны; эта масса облетает земной шар менее чем за два часа... Действительность стала чудеснее самой волшебной сказки! Этому удивился бы сам Жюль Верн! Но еще чудеснее то, что эта масса является своего рода «мыслящим существом» — она не только облетает земной шар, но и наблюдает, записывает свои наблюдения и сообщает их людям. Стали возможными новые подвиги, новые открытия, новые перспективы — человеческий горизонт становится все шире. Путешествие на Луну перестало быть фантазией... От нас, людей Запада и Востока, зависит, чтобы эти огромные возможности были использованы в интересах мира во всем мире. Третий спутник — это подлинная научная революция. И, пожалуй, небеснополю напоминать, что эта революция произошла именно в Стране Революции.

Давид ШЕЙНЕР, писатель

Итак, слониха, собирай вещи — полечу на советском спутнике. Рис. Н. Оффенгендена.

Новый шаг покорения Вселенной

От всего сердца приветствую запуск третьего советского спутника, это — событие, которое сыграет огромную роль в борьбе за сохранение мира во всем мире.

Когда-то великий гуманист Шекспир, мечтая, надежда чудодетельной силой одного из своих волшебных героев — альфа Пака: он мог облететь весь шар земной за полчаса. Магеллан впервые на корабле обогнул земной шар. Это был великий акт покорения природы, великое освобождение энергии человечества — той энергии, которая потом вздохнула ученых, мечтавших о расширении власти человека над Землей и окружающей ее пространством.

В условиях классового общества человеческая энергия как бы распалась, рассыпалась. Различные отрасли человеческой деятельности оказались обособленными и разобщенными. Только теперь наступило время, когда начинают осуществляться смелые мечты людей искусства и людей науки. Это-

бы создать советский спутник, надобились совместные усилия людей многих отраслей науки и техники. Это — большое достижение человечества, что стало возможным такое сдвигание различных сторон человеческой деятельности во имя единой цели.

Я живу в стране, где существуют иные, нежели в СССР, социальные условия. Но и у нас в Японии в борьбе за защиту мира, за запрещение ядерного оружия участвуют многие деятели науки и искусства. А когда в космос были запущены первые советские спутники, у нас было организовано научное общество, в которое вошли и философы, и экономисты, и физики, и люди искусства...

Запуск третьего советского спутника является символом могучего роста, освобождения человеческой энергии, новым шагом на пути к покорению Вселенной.

Томодзи АБЭ, японский писатель

Ради прогресса человечества

Мирнолюбивые люди всего мира с радостью встретили весть о запуске в космос третьего советского спутника.

В тот день, когда был запущен третий советский спутник, в Москве было подписано Совместное Заявление о результатах переговоров между Правительством СССР и ОАР в связи с пребыванием в СССР Президента Гамаль Абделя Насера.

В Москве мы наглядно убедились, что вопросы улучшения всеобщего мира и улучшения условий жизни людей, которые были предметом успешных переговоров Президента и его коллег с советскими руководителями, уже находят практическое разрешение в СССР. Изучение тайн Вселенной, поиски путей для решения многих проблем, которые помогут мирному прогрессу человечества, — вот цели, ради которых были запущены первый и второй советские спутники, так же как и их брат — третий спутник.

Очень трудно описать то глубочайшее восхищение, смешанное с чувством большого удовлетворения, которое переполюло каждого, кто присутствовал на митинге советско-арабской дружбы в Большом Кремлевском дворце, когда Н. С. Хрущев говорил о важном значении советской программы запуска спутников Земли.

Даст или не даст, в конечном счете, успешное осуществление программы по запуску искусственных спутников возможность человеку совершить полет на Луну или путешествие на межпланетном корабле в космическом пространстве, ясно одно: информация, которую третий советский спутник передает сейчас на Землю, окажет неоценимую помощь науке.

Ильяс ШАХИН, ливанский журналист

Французская молодежь собирает подписи под декларацией протеста против размещения американских ракетных баз на территории Франции. Снимок на французском еженедельнике «Авангард»

Руки прочь от Ливана!

Что в Ливане? — удивленно спросил один мой друг, не веря, казалось, ни себе, ни фактам. Мой друг, как и я, знает, что народ Ливана любит труд и мирную жизнь. Эта страна красивая, необыкновенно красивая, но восточный азарт будит она в душе, а желание говорить стихами.

Но оттого ли в Ливане столько народных повстанцев? Но нашему народу много раз пришлось защищать самого себя, свою самобытность, свои свободы, настоящее и будущее, наконец, свое право слагать стихи.

Ливан — маленькая по площади и численности населения страна. Однако с точки зрения географического положения и стратегического значения он играет большую роль на Арабском Востоке. Бейрут — самый крупный торговый порт в восточной части Средиземного моря. Самый большой современный аэропорт на Ближнем Востоке — тоже на территории Ливана. В пристанях на Сайде и Триполи подпадают нефтьпроводы с иракской и саудовской нефтью, то есть сюда стекается большая часть нефти, добываемой на Арабском Востоке. Ливан — это как бы ворота, открывающие путь в другие страны Ближнего и Среднего Востока.

На эти-то ворота, на этот плацдарм и хочет наложить свою лапу империализм.

Когда ливанское правительство

поспешило принять «доктрину Эйзенгауэра», встревоженные ливанцы успокаивали, заверяя, что эта «доктрина» принесет с собой процветание, спокойствие и порядок. Но народ еще раз убедился, что стоят обещания империалистов. Вместо процветания наступил экономический упадок. Произошел отрыв Ливана от арабских рынков — главной опоры ливанской экономики, ослабились связи с социалистическим рынком.

Обещанная помощь оказалась наддувательством. Из десяти миллионов долларов, обещанных Ливану в качестве «помощи», Америка дала только четыре, и те большей частью в виде оружия и дорогостоящей техники!

Но самым опасным следствием опрочечного присоединения Ливана к «доктрине Даллеса-Эйзенгауэра» было то, что Ливан таким образом оказался вовлеченным в агрессивные авантюры США на Ближнем и Среднем Востоке.

Именно в Бейруте во время реакционного государственного переворота в Иордании высадились в порядке военной демонстрации отряды американской морской пехоты. Именно на территории Ливана изменения и предатели из Сирии готовили заговоры против своей страны. В прошлом году некоторые представители Ливана были склонны втянуть страну в американский заговор против Сирии. В Бейруте плелись интриги против Объединенной Арабской Республики. Вместо обещанного спокойствия пресловутая доктрина принесла ливанцам ощущение постоянной военной тревоги.

Одновременно, и это вполне понятно,

в стране выдвигались гнетущая атмосфера политического террора. Начались гонения и репрессии против некоторых журналистов, вооруженные банды нападали на прогрессивно мыслящих людей.

Но не таков ливанский народ, чтобы сдался, отступился от своего арабского происхождения, забыть своих героев и долгу решительную борьбу за независимость, свободу и процветание! Вспыхнувшая ныне в Ливане борьба — это не просто движение за смену руководства. Это борьба за определение судьбы страны: или Ливан станет американской базой и полукolonией, отрезанной от арабов, от сил мира и свободы во всем мире, или он решительно обрывает опутавшие его цупальцы империализма и добьется полной национальной независимости.

Ливанские патриоты бросили клич к объединению рядов и усилий; постепенно образовался единый Национальный фронт, объединяющий различные партии и организации, секты, целые районы и отдельных людей — от патриарха маронитов (христиан) — Прим. перев. — до муртня республиканки, от коммунистов до крупных торговцев и национальных промышленников, с севера до юга, с гор до равнин — для национальной битвы!

Ливанцы восстали, поняв, что американский империализм является главной опасностью, угрожаящей им. Не случайно восстание

началось с поджога американских информационных центров в Бейруте и Триполи.

Как и прежде, ливанские власти попытались представить возмущение как результат «подстрекательства» из-за рубежа, а точнее — из Объединенной Арабской Республики. Но это такая же низкосортная клевета, какую они считали во время майских демонстраций прошлого года, заявляя, что Советский Союз подстрекает оппозиционеров. Лучше бы они не стреляли в граждан, протестующих против убийства прогрессивного журналиста Насиба Метви. Лучше бы они не требовали нового оружия из Америки для подавления народного движения!

Американские жандармы не заставили себя долго ждать. Представитель государственного департамента США Уайт официально заявил, что США в ближайшее время намерены начать поставку Ливану современных видов оружия, включая танки. Даллес сообщил лидерам сената, что США «готовы высадить на побережье Ливана американские вооруженные силы». Во Франкфурт-на-Майне прибыла группа тяжелых американских транспортных самолетов «Глобмастер» для переброски оружия ливанскому правительству. Одним словом, «доктрина» удушения свободы арабских стран пуцела в ход. Но если американское правительство осуществит вооруженное вмешательство во внутренние дела Ливана, то это вызовет серьезные последствия не только для судеб ливанского народа, но и для судеб мира на Ближнем и Среднем Востоке.

Литературные «опыты» молодых стариков

НА КНИЖНОМ рынке Англии появились сенсационные новинки. О них пишут рецензии, публикуются статьи. На страницах журналов печатаются фотографии их авторов. Одна из этих новинок — книга шестнадцатилетней девочки — «Четырнадцатилетней девочкой» — о чем же пишут эти «вундеркинды» от литературы? Английский журнал «Бук энд буман» («Книга и книжники») посвящает им в своем мартовском номере специальную статью. Из нее мы узнаем, что в романе четырнадцатилетней Джейн Гаскелл «Судное зло» обильно «льется кровь и в огромных дозах преподносится изображение дьявола и кошмарных ужасов». Что же касается шестнадцатилетней Кеннет Мартина, то в его первом романе речь идет о... гомосексуализме. «Еще не много лет назад, — замечает журнал, — подобная тема вызвала бы сильнейшее неодобрение наших цензоров». Тут же журнал сообщает, что роман Памелы Мур (тоже совсем юной девушки, облик которой запечатлен на страницах журнала) «явно нарушил покой матерей американских подростков своей безразличностью». Скажем прямо, сами по себе

фигуры авторов этих литературных новинок нас не очень-то интересуют. К стати говоря, едва ли можно с уверенностью утверждать, что именно они действительно написали вышедшие под их именами книги. Знаю литераторские нравы издательского мира в Англии и США с его писателями-«призраками», пишущими для «подставных авторов» (правда, о которых рассказано в вышедшей и у нас книге Огилви «Невидимки за работой»), вполне допустимо предположить, что и в данном случае речь идет о «продукции» таких призраков, а малолетние «авторы» привлечены для пущей сенсационности. Но с не меньшим основанием можно признать их и фактическими «творцами» упомянутыхopusov. Духовная атмосфера, в которой подрастают определенные слои молодежи в Англии и США, явно способствует появлению такого рода образчиков литературного растления. И эта сторона дела, бесспорно, заслуживает внимания.

Английский журнал с известным смущением констатирует большие изменения в быту и поведении многих английских юношей и девушек, происшедшие, как признается в статье, «несо-

мненно под американским влиянием». «С интересом и не без тревоги, — пишет журнал, — наблюдали мы, как, словно грибы, разномалился «барзекспресс», как распространялось увлечение рок-н-ролом, как неустойчиво и испускающие дикое воление и падающие в обморок поклонники и поклонницы кинозвезд». Автор статьи отмечает особые приметы «теддибойс» (английских «стилягов»), собирающихся в барах, и их притягательность: особенности их наряда, «выражение скуки на лице у юношей»... и «присущую в виде конского хвоста» у девушек.

После сенсационного успеха в Англии романа молодой французской Франсуазы Саган «Здравствуй, трусь», романа, по словам журнала, «откровенно циничного и почти целиком посвященного низменным свойствам человеческой природы», в Англии появилось «множество книг авторов в возрасте от 14 до 19 лет». Так образовалась новая литературная «мода». Против нее оказались бессильными, пишет журнал, издающиеся рядом английских издателей «романы для подростков», книги пресные и скучные, герои которых — добродетельные пай-мальчики — отдают дань традиционным канонам ханжества. Герои таких книг, живущие в некоем дистиллированном мире, далеком от реальной жизни, начинают терять симпатии юных читателей, и многие из них накиннулись на литературу стряпню, уделяющую нарочито внимание кровавым преступлениям, «сподвигам» маньяков и садистов.

Если бы автор цитируемой статьи признался нам в причинах описанных им явлений, то он мог бы прийти к горьким выводам. Он должен был бы признать, что тут дело не в «аморальности» молодежи, не в «слабости «цензуры нравов», а в чем-то более серьезном, имеющем более общие и глубокие причины, — в упадке буржуазной культуры. Увы, на страницах того же журнала юные авторы книг, посвященных «низменным свойствам человеческой природы», могут найти немало одобренных рецензий на книги их старших коллег, смакующие убийства, насилие, всевозможные преступления. Так, например, отмечается книга американского автора Джемса Яффе «Сплюшная ночь», посвященная, как пишет журнал, «одной из тем, которыми одержимы американские писатели: теме жестокости и убийства». Это «психологический этюд» о «двух мальчиках-убийцах», юхитивших маленького ребенка и убивших его. Автор книги, по словам рецензента, старается показать, что каждый из убийц «находился под воздействием импульсов, с которыми бесценен справиться». Один из них был «вожак» по призванию», а другой «мечтал покориться сильной личности» и был лишь соучастником.

«По утверждению критики, в основу книги положен действительный случай «из жизни» и ее герои имеют реальных прототипов. Книжки такого рода могут вызвать ую у кого из юных читателей стремление подражать их героям — и в результате число малолетних преступников лишь возрастет. Их «подвиги» в свою очередь станут предметом новых литературных «произведений». Так возникает порочный круг.

Теме преступления посвящены сотни и сотни книг «легкого» детективного жанра, привлекающих юных читателей зыбательными заголовками. Вот лишь несколько вытязь наугад аннотаций из рекламных объявлений, опубликованных все в том же номере журнала

«Два доносчика»: успехи и неудачи агента полиции... охотятся за красивой, но порочной похитительницей детей». «Убийца моего брата»: герой книги Ритчи нанял, чтобы убить человека. Он убивает и наносит ему один удар. Сыщики приступают к делу, и напряжение возрастает до высшей точки». «Оплавивай блондинку»: герой книги Майкл Шейн арестован по обвинению в убийстве. Прочтите и узнаете, как в захватывающем дух финале он снимает с себя подозрения», и т. д.

В другом солидном английском литературном журнале отмечается рост числа романов о преступлениях. «Наша литература, — пишет автор статьи, — перена-

Мадлен РИФФО. В алжирской тюрьме

французская поэтесса

Браслеты, что мне подарили к свадьбе. Так певуче звенели, так блестяще красиво... Их пришлось заложить и оставить в ломбарде —

Менше года я их носила. Песни, что пели на свадьбе нашей. Мне кажется, здесь я их слышу почками. Здесь, за тюремной решеткой, под стражей, Заложница, схваченная врагами.

Карательный рейд. Вышибали двери, Рубили оливы в бессмысленной злобе. Ушли, и остались от нашей деревни Щербен и лужи крови.

Браслеты, что здесь нацепили нам, — Из стали тяжелой, холодной и грубой. Меня мучил палач. На лице моем шрам, Выбиты зубы...

Алири! Ты истерзан, ты кровью истен, Твоим мукам потерял счет. Но никто не посадит тебя под замок, И никто не уберет!

Братья! Мы вырвем из рабских оков Родину нашу с полями, с цветами. Мы разорвем этот саган веков Ираненными руками.

Перевел с французского Н. РАЗГОВОРОВ

В борьбе с ревизионизмом

(ПО СТРАНИЦАМ КИТАЙСКОЙ ПЕЧАТИ)

Китайская печать продолжает публиковать материалы, критикующие ревизионистские концепции литературы и критика Линь Чжао-яна. Внимание китайской общественности привлекла статья известного критика Линь Мо-ханя «Реализм или ревизионизм?», опубликованная на днях в газете «Женьминьжибао».

За последние два года, пишет автор статьи, Линь Чжао-ян, прикрываясь различными псевдонимами, опубликовал целый ряд ревизионистских статей, а его статья «Реализм — широкая дорога», помещенная в сентябрьском номере журнала «Женьминьжибао» в 1956 году, стала, можно сказать, последовательной программой ревизионизма в литературе и искусстве.

Прибегая к излюбленной тактике ревизионистов, Линь Чжао-ян выступает якобы против догматизма. На самом же деле, подчеркивает автор статьи, под внешней борьбой с догматизмом он атакует основные марксистские принципы в литературе. Будучи заместителем главного редактора журнала «Женьминьжибао», Линь Чжао-ян использовал служебное положение для осуществления своей ревизионистской линии. Благодаря ему, отмечает Линь Мо-хань, в этом журнале появились «немало ядовитых трав, которые он выдвигал за ароматные цветы». Именно Линь Чжао-ян поднял на щит Лю Бинь-янь, призывавшего, как известно, литературно разоблачать «темные стороны» нового общества.

«Буржуазные правые элементы и ревизионисты поспешили тутчас сделать Линь Чжао-яна своим знаменем. Они горячо поддержали его ревизионистскую программу в литературе и искусстве». Взгляды Линь Чжао-яна, пропалывает Линь Мо-хань, сыграли в определенной степени отрицательную роль в кругах работников литературы и искусства. Влияние их ни в коем случае нельзя игнорировать. Поэтому, несмотря на то, что ошибки Линь Чжао-яна были вскрыты и подвергались критике со стороны многих товарищей, тем не менее следует продолжать систематически критиковать его ревизионистскую «теорию».

Линь Мо-хань отмечает, что особенно яростным атакам со стороны ревизионистов подвергнулся за последние время социалистический реализм. Ревизионисты изо всех сил стараются поставить под сомнение тот непреложный исторический факт, что литература социалистического реализма появилась именно по чьему-либо произвольному желанию, что это литература нового типа, с неизбежностью возникающая в определенных исторических условиях.

Далее автор статьи подчеркивает, что ревизионисты, вроде Линь Чжао-яна, пытаются доказать, будто мировоззрение писателя не имеет никакой связи с творческим методом. Они заявляют, что реакционный, отсталое мировоззрение писателя не может оказывать влияние на изучение и познание им действительности.

Такой точки зрения, пишет Линь Мо-хань, придерживается и Линь Чжао-ян. Реалистический творческий метод он рассматривает как не имеющий никакой связи с идейной позицией писателя. Линь Мо-хань напоминает, что в статье Чжоу Бо «О развитии реализма в эпоху социализма», посвященной вскоре появившейся статье Линь Чжао-яна, подобный взгляд выражен еще более оп-

ределенно. Авторы этих статей, пропуская критику, отрицают возрождение от творческого метода. «Мы считаем, — пишет Линь Мо-хань, — что мировоззрение не может заменить творческий метод, так же как нельзя заменить творческий метод, обладая одним правильным мировоззрением, можно создать хорошие произведения». Во все времена мировоззрение было душой творческого метода, оно всегда оказывало на творческий метод активное положительное или отрицательное влияние.

Отрицая роль и значение мировоззрения для творческого метода, Линь Чжао-ян рассматривает реализм как нечто самостоятельное, развивающееся, в отрыве от современной обстановки и общественных идеальных течений. С его точки зрения, пишет автор, реализм подобен поезду, который непрерывно движется вперед, как бы ни изменялась обстановка. Вполне естественно, что, придерживаясь такого взгляда, Линь Чжао-ян пришел к отрицанию существенной разницы между социалистическим реализмом и реализмом прошлого. Не случайно, что именно он, так же как и Чжоу Бо, отрицая социалистический реализм, ратовал за то, чтобы социалистический реализм заменить «реализмом эпохи социалистической революции».

Подчеркнув качественное отличие социалистического реализма от реализма прошлых эпох, Линь Мо-хань говорит о преемственной связи между ними. «Новаторство социалистического реализма, — замечает он, — выражается не только в том, что главной темой его произведения является жизнь и борьба трудящихся, а в том, что он показывает активную роль народных масс в развитии общества». Именно потому что литература социалистического реализма утверждает главенствующее положение народных масс в жизни и искусстве, эта литература обладает огромной воодушевляющей силой, способна вдохновлять людей на перестройку жизни, переделку мира, вселяет в них безграничную мечту и уверенность. Только социалистический реализм, отражающий действительность в революционном развитии, способен наиболее полно показать новое в жизни, показать великую мечту народа и его героический дух».

Считать, что старый реализм только критиковал и ничего не утверждал, или полагать, что социалистический реализм только отрицал и ничего не критиковал, — крайнее одностороннее, ошибочное точка зрения... Вполне правильно говорить, что старый реализм главным образом критиковал темные стороны старого общества, а социалистический реализм, наряду с критикой старого общества, с убеждающей силой утверждает свет нового общества.

«Мы говорим, что социалистический реализм — самый лучший творческий метод потому, — подчеркивает Линь Мо-хань, — что он руководствуется самой передовой идеологией — марксизмом». Линь Мо-хань далее отметил, что Линь Чжао-ян противостоит искусству и политике, так же как Ху Фэн, Фэн Сюе-фэн и другие. Отрывая политику от искусства, он ароматные цветы выдает за ядовитые травы, а ядовитые травы преподносит как ароматные цветы...

Статьи, разоблачающие ревизионистские взгляды Линь Чжао-яна, опубликованы также во многих китайских литературно-художественных журналах, таких, как «Вэньбао», «Женьминьжибао», «Вэньсюэяньбао», и других.

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Разрешите через Вашу газету передать глубокую благодарность всем друзьям, товарищам, знакомым и организациям, выразившим соболезнование по поводу постигшей нас тяжелой утраты — смерти нашего дорогого и любимого отца, мужа Асана Измовича Бегимова.

Семья А. И. Бегимова

Открыт прием подписки

на второе полугодие 1958 года

на «Литературную газету»

ПОДПИСКА ПЛАТА: на 6 мес. — 31 руб. 20 коп. на 3 мес. — 15 руб. 60 коп.

Подписка принимается в городских и районных отделах «СОЮЗПЕЧАТИ», конторах и отделениях связи, общественных учреждениях по подписке на предприятия, в союзах и колхозах, в учебных заведениях и учреждениях БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ.

Вл. РУБИН

И. о. главного редактора В. ДРУЗИН.

Редакционная коллегия: М. АЛЕКСЕЕВ, Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИА, П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, Г. МАРКОВ, Е. РЯБЧИКОВ, В. СОЛОУХИН.